

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Гаврилов
А. Г. Шевченко

Русские мусульмане в поле российской идентичности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.

РУССКИЕ МУСУЛЬМАНЕ В ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Российская цивилизация исторически формировалась как динамичная система, состоящая из русско-православного ядра и множества этнокультурных и этнорелигиозных общностей Северной Евразии, которые в процессе своей исторической жизни, чаще всего связанного с их включением в границы общей государственности, вошли в зону культурно-цивилизационного взаимодействия с этим ядром. В ходе такого взаимодействия общности обрели новое качество, предопределяющее их существенные отличия от зарубежных единоплеменников и единоверцев по своему социально-психологическому типу, самосознанию, культурно-бытовому укладу и духовно-религиозному строю. Причем по характеру последнего они нередко столь далеко отошли от своего религиозного первообраза, что их религиозность ближе к русскому православию, нежели к исповеданию единоверцев, пребывающих вне российского цивилизационного ареала.

Как писал Иван Ильин: *«Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления Христианства, магометанства, иудейства и язычества в России. Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России, англикане в России, и магометане в России — разнятся от своих иностранных соисповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих перво-образцов и приближаясь незаметно для себя к Православию... В религии, как и во всей культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...»* [1, с. 164-165].

Народы мусульманской культуры, жившие на пространстве Северной Евразии, войдя в состав Российского государства, со временем оформились как «русское мусульманство» — особая субцивилизационная культурно-религиозная общность в составе российской цивилизации. Идентифицируя себя с русским государством и российской цивилизационной общностью, они, тем не менее, сохраняли и свою исламскую идентификацию, позволяющую обрести культурно-религиозную индивидуальность в инокультурной (русской) и инарелигиозной среде.

Понятие «русское мусульманство» как обозначение единой общности мусульманских народов, находящихся в границах Российской империи, впервые ввел в обиход известный крымско-татарский просветитель, один из лидеров российского джадидизма рубежа 19-20 веков Исмаил-Бей

Гаспринский (1851-1914), который озаглавил так свою книгу, опубликованную в 1881 году. В отличие от других деятелей национальных движений мусульманских народов России, Гаспринскому были чужды идеи мусульманского сепаратизма и пантюркизма. Вхождение тюркских и других мусульманских народов в единое государство с русским народом мыслилось им как явление исторически закономерное, имеющее позитивное значение для обеих сторон: *«Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии... Таким образом мне кажется, что в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»* [2, с. 17-18].

Говоря о феномене русского мусульманства, возникшем как следствие объединения русского православного и мусульманских народов в общем имперском государственном образовании, следует иметь в виду их особую созидательную роль в процессе становления российской цивилизации. В отличие от других этнокультурных и этнорелигиозных общностей России-Евразии мусульманские народы не принадлежали к числу духовно и культурно ведомых. Хотя они и приобщились к духовному творческому акту русского народа, став русским мусульманством, но на протяжении всей российской истории выступали в качестве равноправного субъекта культурно-цивилизационного творчества. При этом на отдельных этапах исторического развития их роль была решающей.

Первое масштабное государственное объединение русского православного и тюркских мусульманских народов на евразийском пространстве произошло в 13-14 веках в составе мусульманской Золотой Орды, причем верховный сюзеренитет золотоордынских ханов-мусульман над русскими княжествами сыграл важную роль в их собирании вокруг Москвы. Вследствие этого российские мусульманские народы справедливо будет отнести к числу государствообразующих народов исторической России. Все это сделалось возможным потому, что к моменту начала государственной интеграции Северной Евразии на ее пространстве уже сформировалась оригинальная северная ветвь исламской цивилизации со своей самобытной материальной, духовной и политической культурой, сумевшая творчески интегрировать богатые доисламские автохтонные культурные традиции.

Следует отметить, что процесс формирования православно-христианского и мусульманского цивилизационных очагов Евразии протекал параллельно, причем на начальном этапе последний развивался более

динамично. Благодаря этому в ранний период проживания в едином государстве тюркско-мусульманская культура была донорской по отношению к русско-православной, носители которой охотно перенимали и осваивали самые разнообразные достижения мусульманского мира в сфере хозяйственного уклада и художественного творчества, государственной организации и административного устройства, дипломатии и военного искусства.

Позднее, когда русская культура достигла своей зрелости, уже культура русского мусульманства по отношению к ней выступила в качестве реципиента в самых разнообразных областях — будь то общественная мысль, политическая идеология, художественная литература, естественнонаучные и гуманитарные знания, или технические достижения. Можно констатировать, что в целом вклад мусульманских народов в самобытное цивилизационное развитие России вполне сопоставим с достижениями русского православного народа.

Своего рода предпосылкой возникновения русского мусульманства можно считать исламские цивилизационные очаги, возникшие на евразийском пространстве в 8-16 веках на базе оригинальных северных ответвлений исламской цивилизации — тюркско-ханифитской и восточно-кавказской шафиитской. Их формирование и развитие, также, как и других периферийных ветвей мусульманского мира, происходило по мере синтеза исламской цивилизации с автохтонными протоцивилизационными общностями, существовавшими к северу и к югу от пояса древних цивилизаций, завоеванного арабами в 7-8 веках.

Распространение ислама на пространстве Северной Евразии началось с восточной части Северного Кавказа. Его исходной точкой стал город Дербент в Южном Дагестане (включен в состав Арабского халифата в 685-686 годах). В дальнейшем именно он, названный арабами Баб ал-Авбаб («Врата врат») и Баб ал-Джихад («Врата борьбы за веру»), стал исходной точкой и основной базой исламизации Восточного Кавказа. В 8-13 веках Дербент — уже мусульманский, преимущественно арабский город, ставший с 869 года столицей самостоятельного эмирата во главе с арабской династией Хашимитов. Отсюда ислам распространяется среди народов Южного Дагестана — лакцев, лезгинов, рутульцев, агулов, цахуров, даргинцев, табасаранцев.

С 15 века мусульманство распространяется среди вайнахов (на территории современной горной Чечни), а к концу 16 века культуры уже почти всех восточно-кавказских народов были в той или иной мере исламизированы. Вместе с тем, процесс окончательного утверждения ислама в ряде мест восточной части Кавказа растянулся еще на несколько столетий и даже в начале 20 века полностью не завершился.

Исламизация Западного Кавказа относится к еще более позднему времени. Населявшие его абхазо-адыгские народы долгое время входили в периферийную зону восточно-христианской цивилизации: с 6 века в сфере культурно-политического влияния Византийской империи, а с 10 века — также русского Тьмутараканского княжества. Однако в силу ряда причин христианство среди адыгов окончательно так и не утвердилось, а после турецкого завоевания Константинополя в 1453 году стало исчезать. Проникновение ислама на Западный Кавказ относится к 13-14 векам, когда часть адыгов превратилась в данников золотоордынских ханов. Настоящее же утверждение ислама было в значительной мере связано с военно-политической экспансией Османской империи и Крымского ханства в 16-18 веках.

В сравнении с многовековым утверждением ислама на Северном Кавказе процесс образования исламских цивилизационных очагов в Волго-Уральском регионе в ходе формирования тюркско-ханифитской ветви исламской цивилизации занял значительно меньший хронологический отрезок. Волжские тюрки (хазары и болгары) в доисламский период уже имели развитые религиозные представления, связанные с почитанием небесного божества Тенгри, что в значительной мере облегчило восприятие ими исламского монотеизма. Начало распространения ислама в этом регионе обычно связывают с походом арабского полководца Мервана ибн Мухаммада на Волгу в 737 году. Однако к этому времени в Хазарии уже было много мусульман, поскольку Нижнее Поволжье входило в зону влияния Хорезма и имело с ним прочные связи.

В отличие от Восточно-Кавказского, распространение ислама в Волго-Уральском регионе характеризовалось перекрестным влиянием сразу двух центров исламской цивилизации — среднеазиатского и ближневосточного. В целом ислам в Хазарии сохранил свои позиции даже после того, как каган Обадия около 800 года сделал государственной религией иудаизм. Уже после распада Хазарского каганата в Нижнем Поволжье возникло мусульманское княжество Саксин со смешанным тюркско-арабским населением, просуществовавшее вплоть до его разорения монголами в 1229 году. Сложившаяся в рамках Саксина этно-религиозная общность впоследствии участвовала в процессе этногенеза астраханских татар.

Еще более значительный очаг исламской цивилизации сложился в Среднем Поволжье, где в 8-9 веках возникло тюркское государственное образование — Волжско-Камская Булгария. Официальное принятие ислама волжскими булгарами в 10 веке было связано со стремлением болгарского ильтибера (царя) Алмуша покончить с зависимостью от Хазарского каганата, получив санкцию на свою власть из рук более

могущественного правителя — Багдадского халифа. Следствием этого стали его посольство в Багдад ко двору халифа Джаффара ал-Муктадира в 921 году с просьбой прислать исламских наставников и ответный визит на Волгу посланца халифа в следующем году. В мае 922 года на созванном Алмушем съезде болгарских князей ислам был принят в качестве государственной религии, а сам ильтибер, получивший мусульманское имя Джаффар ибн Абдаллах, провозгласил себя наместником халифа как главы правоверных. Существовавший у болгар культ священной царской власти получил, таким образом, исламскую интерпретацию.

Ислам распространился в Булгарии благодаря ее торговым и культурным связям с мусульманскими центрами Хорезма, переживавшими в тот период свой расцвет. Неслучайно в Поволжье утвердился не шафиитский мазхаб суннитского ислама, доминировавший среди арабов, а ханифитский, центрами которого были Бухара и Самарканд. Этот выбор имел весьма важные последствия. Из всех четырех мазхабов суннитского ислама ханифитский является самым гибким и наименее догматичным.

Благодаря этому ислам в Волго-Уральском регионе обрел наибольшую способность ассимилировать доисламские традиции и автохтонные этнические культуры. Он стал важнейшей частью этнического самосознания и самоидентификации мусульманских народов региона, религиозная и национально-этническая идентичность которых до начала 20 века практически совпадала. Само распространение ислама явилось мощным фактором этногенеза. Именно на базе принявших ислам болгарских племен сложилась та тюрко-мусульманская этническая общность, которая сыграла столь важную роль в этногенезе казанских татар.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что одновременно с исламизацией Волжско-Камской Булгарии происходило утверждение православного христианства среди восточнославянского населения Киевской Руси. Формирование поволжского центра исламской цивилизации на базе ее северной ветви и восточнославянского центра восточно-христианской цивилизации на основе византийского православия в Северной Евразии шло таким образом параллельно. В результате уже с 10 века в бассейне Волги образовалось обширное поле интенсивного культурно-цивилизационного взаимодействия православно-христианской и исламской этнорелигиозных и этнополитической общностей. Оно стало своеобразной прелюдией их объединения в границах одного государства, что первый раз проявилось в период господства Золотой Орды.

Как мусульманский, так и православно-христианский цивилизационные очаги Северной Евразии сильно пострадали в результате монгольского нашествия. Однако они не только выжили, но и получили новый

импульс для своего развития. Пестрое по этнокультурному и религиозному составу государственное объединение, созданное потомками сына Чингисхана на северо-западной окраине Монгольской империи («Улус Джучи»), известное впоследствии как Золотая Орда, не было носителем единой великой культуры. По этой причине оно не несло никакой угрозы ни православной, ни исламской культуре, а напротив, само испытывало мощное влияние той и другой.

Культурно-политическое доминирование в составе Золотой Орды мусульманских земель Поволжья и Хорезма обеспечило выбор ею религии ислама. Однако его принятие в качестве государственного вероисповедания ханом Узбеком, произошедшее в 1321 году, не устранило религиозно-культурного плюрализма Золотой Орды. Налагая дань и другие повинности, иногда довольно обременительные, золотоордынские ханы практически не вмешивались во внутреннюю жизнь покоренных земель и народов — русских и болгарских княжеств, угро-финских племен, горских общин Северного Кавказа. В период расцвета Золотоордынского государства под покровительством сильной ханской власти на его территории вызревали самобытные культурно-цивилизационные центры.

Таким образом, значение Волжско-Камской Булгарии в качестве крупнейшего регионального центра тюркско-ханифитской ветви исламской цивилизации в золотоордынский период не только сохранилось, но и возросло. Благодаря этому северная тюркско-ханифитская ветвь исламской цивилизации вышла далеко за пределы Поволжья — на ее основе началась этнорелигиозная интеграция тюркских народов Улуса Джучи.

Основной движущей силой этой интеграции стала сложившаяся к началу 14 века единая для центральной части Золотой Орды мусульманская городская культура, в создании которой значительную роль сыграли выходцы из Хорезма, Ирана и Арабского Востока. В ее взаимодействии с очагами тюркской земледельческой культуры Поволжья, Прикамья и Предкавказья, а также культурой исламизирующихся тюркских кочевников евразийской степной зоны сложилась динамичная суперэтническая тюркско-исламская общность, гораздо более широкая, чем прежде, аналогичная арабско-исламской. Пребывая в единых государственных границах с русскими православными землями, она стала своего рода прообразом русского мусульманства.

Названная суперэтническая общность на базе ислама продолжала сохраняться и развиваться и после распада Золотой Орды. При этом окончательное закрепление позиций ислама произошло с образованием самостоятельных татарских ханств. Именно в этот период формируется оригинальный центр исламской цивилизации в пределах Крымского ханства, вскоре попавшего в сферу влияния Османской империи, которая

заняла доминирующее положение в исламском мире. Новые мусульманские анклавы возникают на западе и востоке Северной Евразии — общности литовских и сибирских татар (последняя сложилась в процессе завершения исламизации сибирских тюрок), впоследствии в разное время ставших неотъемлемой составной частью русского мусульманства. Начало этому процессу в 15-16 веках положила новая интеграция Северной Евразии уже под эгидой православной Московской Руси.

Становление российской цивилизации на базе интеграции разнородных цивилизационных и протоцивилизационных общностей Северной Евразии совершалось в ходе воссоздания государственного единства евразийского субконтинента, начатого Московской Русью в 15-16 веках и продолжавшегося до конца 19 века. Причем именно имперская государственность явилась основным системообразующим фактором российской цивилизации. Она выступила носителем наиболее универсального нормативно-иерархического начала, способного объединить разнородный этнорелигиозный и социально-культурный конгломерат евразийского пространства, создавая предпосылки для его цивилизационной целостности. Все это в полной мере проявилось в ходе интеграции в российское имперское пространство очагов исламской цивилизации.

Процесс этот, начавшийся включением в состав Русского государства постзолотоордынских государственных образований Волго-Уральского региона, изначально носил противоречивый характер. С одной стороны, присоединение Казанского и Астраханского ханств, совершившееся в 1552-1556 годах, уничтожило городскую мусульманскую культуру Поволжья (впрочем, уже сильно разрушенную в результате разорения городов Золотой Орды Тимуром в 1395 году). Исламские общности региона приобрели исключительно сельский характер, а их общий культурный уровень значительно понизился. Традиции мусульманской учености в значительной мере были прерваны. Как писал в связи с этим М. Худяков, «в *деревенской глуши доживало свой век последнее поколение образованных мусульман*» [3, с. 20].

Однако, с другой стороны, в отличие, например, от Испании, Сицилии и Мальты, где исламская цивилизация подверглась полному разрушению, мусульманский цивилизационный очаг в этом регионе не только сохранился, но и оказался способным к быстрой регенерации и пространственному расширению. После присоединения к России мусульманское Поволжье сыграло решающую роль в значительно более глубоком приобщении к исламской цивилизации многих номинальных мусульман из числа тюркских народов евразийского пространства, среди которых все более распространяется культура казанских татар (Приуралье, Предкавказье, Южная Сибирь, Казахстан).

Сохранению и самобытному развитию исламских цивилизационных очагов в границах Российского государства благоприятствовало то, что уже в 15-16 веках под властью Москвы было восстановлено былое единство золотоордынских земель. Московские самодержцы, благодаря синкретичному характеру политической культуры евразийского ислама, в глазах мусульманского населения бывших ханств выступили естественными преемниками сарайских ханов. Сами русские государи отчетливо это осознавали, придавая своему вступлению в золотоордынское наследство особое значение в связи с обоснованием своих прав на царский титул. Приняв наследство Золотой Орды, они вынужденно становились не только преемниками веротерпимости ее владык, но и верховными покровителями мусульманских подданных. Вследствие этого интеграция золотоордынской тюркско-мусульманской общности в состав Московской Руси осуществлялась в значительной мере мирным путем.

В целом правительственная политика по отношению к исламу в Московской Руси обладала определенной двойственностью. Основанные на православии официальные идеологические доктрины имели ярко выраженный антиисламский характер, но они далеко не всегда находили воплощение в политической практике. В присоединенном Поволжье, где в течение ряда лет после «казанского взятия» продолжались войны и восстания, мечети и другие мусульманские учреждения уничтожались как возможные центры татарского сепаратизма. Вместе с тем мусульманские анклавы во внутренних русских областях (Касимовское ханство, уделы служилой татарской знати в Кашире, Серпухове, Звенигороде, Талдоме, Юрьево, Романове) сохраняют религиозную автономию.

Названные обстоятельства значительно облегчили интеграцию евразийских мусульманских общностей в состав Русского государства. В эпоху Московской Руси 15-17 веков народы, составлявшие тюркско-ханифитскую ветвь исламской цивилизации, сделались органической частью российского содружества — этнополитической основы евразийской имперской России. Становясь подданными Белого Царя, евразийские мусульмане начали обретать очертания той общности, которая позднее стала русским мусульманством.

Это со всей наглядностью проявилось в период «смутного времени» начала 17 века, когда казанский дьяк Никанор Шульгин попытался сыграть на ностальгии по утраченной мусульманской государственности, провозгласив создание независимого от России «Казанского понизового государства». Большая часть татарского населения бывшего Казанского ханства за ним не пошла, а около двадцати татарских мурз со своими служилыми людьми, примкнув к общероссийскому ополчению Минина

и Пожарского, участвовали в 1612 году в освобождении Москвы от поляков. На следующий год представители служилой татарской знати приняли участие в Земском Соборе, избравшем на московский престол Михаила Романова. Таким образом, московский период русской истории 15-17 веков можно считать временем начального формирования русского мусульманства.

В дальнейшем процесс этот претерпел немало осложнений. С конца 17-го до 60-х годов 18 века в правительственной политике в отношении мусульман можно наблюдать отход от традиционной для Московской Руси терпимости к нехристианским верованиям нерусских народов и от сложившегося православно-мусульманского паритета в государственной жизни. Он был вызван усилением западноевропейского влияния и вовлечением России в военное противостояние с Османской империей. Это нашло свое выражение в упразднении системы уделов служилой татарской знати, ликвидации автономных мусульманских анклавов внутри государства, ограничении, а затем и полной отмене владельческих прав служилых татар, сохранивших приверженность исламу, что означало фактическую ликвидацию их как особой этносословной группы.

Антимусульманская направленность государственной политики особенно активизировалась при преемниках Петра. В царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны усилилось административное давление на мусульман с целью принудить их к смене вероисповедания. В 1731 году в Свияжске Казанской губернии была учреждена «Комиссия для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев», в 1740 году переведенная в Казань и получившая наименование Новокрещенской конторы. Данное учреждение, имевшее свой филиал и на башкирских землях в Нагайбацкой крепости, приобрело не только широкие миссионерские полномочия, но и фактическое право принуждения к смене вероисповедания.

Далее последовали запреты на строительство новых мечетей и распоряжения разрушить уже построенные. Так, 19 ноября 1742 года был принят сенатский указ *«О недопущении в Казанской губернии строить мечети и о разведывании Губернаторам и Воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людях»*, согласно которому только в Казанской губернии было уничтожено 418 мечетей из 536. Уцелела лишь небольшая часть старых мечетей времен Казанского ханства в тех селениях, где не было новокрещенных жителей [4, с. 119].

При этом следует отметить, что в отличие от Западной Европы, в России ислам и его учреждения никогда официально не запрещались. Даже в периоды наиболее активной антиисламской политики власти вынуждены были считаться с интересами мусульман и фактически при-

знавать их право придерживаться собственных верований. В феврале 1743 года вице-губернатор Уфы Аксаков направил в Сенат свое суждение о нежелательности распространения указа о сломе мечетей на Уфимскую провинцию. Рассмотрев данный вопрос, Сенат постановил не сносить мечетей в Оренбургской губернии, одновременно подтвердив запрет на строительство новых. Однако уже в апреле следующего года было дано разрешение на строительство мечетей в татарских слободах Казани и Оренбурга для приведения местных жителей к присяге на Коране. В августе 1756 года последовал указ допустить возведение мечетей для татар, живущих особыми деревнями и слободами отдельно от новокрещенных жителей в Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерниях.

В кругу высших сановников Российской империи, особенно тех, которым по роду службы приходилось тесно общаться с мусульманами, все более крепло убеждение в бесперспективности антимусульманской политики и необходимости возвращения к веротерпимости. В их числе были выдающийся историк и географ В. Татищев, а также видный администратор и дипломат, первый генерал-губернатор Оренбурга И. Неплюев. Последний активно выступал за сотрудничество с мусульманским духовенством и прекращение практики принуждения к смене вероисповедания, которая ведет не к умножению числа новокрещенных, а к бесконечным восстаниям, подрывающим власть русского правительства в мусульманских землях.

Встречное движение наиболее дальновидных представителей русской и мусульманской элит в осознании важности институирования мусульманского сообщества как органической части российского цивилизационного мира подготовило поворот в государственной политике относительно ислама, произошедший в эпоху императрицы Екатерины II. Перемены в этой политике обозначились еще в самом начале ее правления с упразднением Новокрещенской конторы и разрешениями государыни на строительство мечетей. Однако гораздо большее значение имела систематическая законодательная работа в данном направлении.

Начало законодательному оформлению статуса ислама в качестве официально признанного в Российской империи вероисповедания, находящегося под Высочайшим покровительством, положил екатерининский указ от 17 июня 1773 года *«О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам»*, провозглашавший: *«... как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем посту-*

пять изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало...» [5, с. 46].

В соответствии с этим все дела, касающиеся иноверных исповеданий, были отнесены к исключительной компетенции гражданской администрации. Высшее православное духовенство, ранее имевшее решающий голос в делах такого рода, теперь от решений подобных вопросов полностью устранялось. Тем самым было устранено принуждение мусульман к смене вероисповедания и сняты ограничения на строительство мечетей. Свообразным дополнением данного документа, касающимся непосредственно мусульман, стал именной указ государыни от 28 января 1783 года *«О дозволении подданным Магометанского закона избирать самим у себя ахунов»*, одновременно предписавший не допускать в состав священнослужителей мусульман-иностранцев. Этим было положено начало институированию мусульманского духовенства страны как особой российской сословной группы.

Решающее значение в процессе юридического оформления мусульманского вероисповедания имело учреждение Екатериной особого органа управления духовными делами российских мусульман: 22 сентября 1788 года был обнародован ее Именной указ, данный сибирскому и уфимскому генерал-губернатору барону О. Игельstromу *«Об определении Мулл и прочих духовных чинов Магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»*. Официальное открытие нового учреждения, получившего наименование **Оренбургского магометанского духовного собрания (муфтията)**, поскольку первоначально его местонахождение предполагалось в Оренбурге, состоялось 4 декабря 1789 года.

Во главе Духовного собрания находился муфтий, назначаемый непосредственно императорским указом, с государственным жалованием. Первым муфтием, занимавшим данный пост до 1824 года, стал представитель старинного рода татарских священнослужителей Мухаммеджан Гуссейнов. К ведению Духовного собрания были отнесены все мусульманские приходы на территории России за исключением недавно присоединенного Крыма. В его компетенцию входили утверждение в должности приходских имамов и ахунов после их испытания на знание исламского вероучения, надзор за строительством мечетей, работой медресе и соблюдением мусульманских обрядов, а также вынесение решений по гражданско-правовым делам на основе шариата.

В институировании русского мусульманства и формировании его особой идентичности создание Оренбургского магометанского духовного собрания имело решающее значение. Оно оформило на общегосударственном уровне официальный статус ислама и его приверженцев, их

право на мусульманский образ жизни при одновременной интеграции в социальную и государственную систему страны. Учредив институт муфтията как орган государственного управления мусульманскими духовными делами, правительство Екатерины II впервые в истории исламской цивилизации создало централизованную иерархическую религиозную организацию, аналогичную церковной, с особым сословием профессионального духовенства.

Как известно, в исламском мире с его неразделенностью духовной и светской властей такого рода учреждение исторически не сложилось. Однако в Российской империи, где вся полнота власти была сосредоточена в руках православного государя, а мусульмане составляли этнорелигиозное меньшинство, подобная структура стала оптимальной формой организации. Она позволила мусульманскому сообществу страны институироваться в качестве значимого субъекта российского цивилизационного творчества. Неслучайно мусульманское этнорелигиозное сообщество Волго-Уральского региона, раньше других вошедшее в орбиту российской цивилизации и объединенное структурами Оренбургского магометанского духовного собрания, стало ядром русского мусульманства, сыграв важную роль в процессе интеграции в него других исламских сообществ Евразии.

Такой важный аспект взаимодействия России с исламским миром, как интеграция в ее состав новых мусульманских этнорелигиозных сообществ, составляющих население присоединяемых к Российской империи новых земель, также приобрел особую актуальность с эпохи царствования Екатерины II. Предыдущий опыт российской экспансии в восточном направлении свидетельствовал в пользу необходимости компромисса с местными социально-политическими и духовно-религиозными структурами. Авторитарный имперский режим, допускавший гибкую политическую регуляцию, оказывался вполне совместимым с определенной религиозной и культурной автономией новоприсоединенных территорий.

В полной мере это проявилось в процессе присоединения к России бывшего Крымского ханства. В манифесте *«О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу»* от 8 апреля 1783 года провозглашалось: *«...обещаем свято и непоколебимо за Себя и преемников престола Нашего, содержать их (крымских татар-мусульман. — Авт.) наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»* [5, с. 47]. Вскоре особым указом от 28 июля 1783 года императрица повелела *«определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных...»* [5, с. 48].

Законодательство императрицы, связанное с исламом, носило системный характер. Все его основные компоненты, касающиеся устройства духовных дел мусульман внутри страны, на новоприсоединенных землях и регионах, находящихся в зоне российского влияния, узаконения личного и сословного статуса приверженцев ислама (распространение на традиционную знать мусульманских народов привилегий русского дворянства, наделение особыми сословными правами высших духовных лиц, привилегии мусульманским купцам, ведущим торговые дела с Востоком), были направлены на интеграцию мусульманских этнорелигиозных и этнополитических сообществ в социальную структуру и государственную систему Российской империи. Они способствовали институированию их в качестве русского мусульманства посредством формирования соответствующей идентичности.

Дальнейшие правители России с большей или меньшей последовательностью продолжали курс, начатый Екатериной II, хотя на этом пути им пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Они были связаны с присоединением к Российской империи земель и народов Северного Кавказа в ходе почти полувековой Кавказской войны, продолжавшейся до 1864 года.

Исламский культурно-цивилизационный очаг, сформировавшийся на базе восточно-кавказской шафиитской ветви исламской цивилизации, значительно отличался от уже ставшего для России «домашним» тюркско-ханифитского ислама Поволжья и Приуралья. Здесь можно было видеть более тесные связи с духовными центрами основного ядра исламской цивилизации, результатом которых стало формирование влиятельного слоя алимов — носителей арабоязычной мусульманской образованности.

В ходе Кавказской войны на базе северокавказского суфизма, принявшего форму мюридских братств, сформировалась исламская военно-клерикальная элита. Она дважды предпринимала попытки создания исламского государственного образования кавказских горцев — имамата, ориентированного на антироссийский союз с Османской империей: в 1785-1791 годах во главе с шейхом Мансуром и в 1834-1859 годы под предводительством имама Шамиля. При этом выдвигались лозунги джихада (газавата), который должен был принять общеисламский характер.

Однако подобным планам не суждено было осуществиться, поскольку в оппозиции режиму имамата оказалась не только горская знать, но и значительная часть влиятельных алимов. Они воспринимали установление российского господства на Кавказе как фатальную неизбежность, считая господство Шамиля и его наибов большим злом, нежели переход под власть Белого Царя. На это алимы склонны были согласиться добро-

вольно, тем более что русское завоевание не только не меняло их статуса, но и делало его более устойчивым, одновременно придавая жизни большую комфортность. К такой точке зрения склонились со временем и некоторые из соратников Шамиля.

В этой среде российское правительство искало и находило союзников в установлении своего господства в Северокавказском регионе. Заслуживают также внимания попытки российских властей использовать для замирения Кавказа авторитет высших духовных лиц русского мусульманства. Наиболее успешной в этом плане была миссия заместителя Таврического муфтия крымского казиза Халиля, побывавшего на Кавказе в 40-х годах 19 века и награжденного за свои труды орденом Святой Анны. В данном случае отчетливо проглядывается осознанное стремление российского правительства к подключению потенциала русского мусульманства для интеграции в состав империи мусульманских общностей присоединяемых территорий.

Процесс вхождения в состав Российской империи новых мусульманских этнорелигиозных сообществ и их интеграция в состав русского мусульманства продолжались до самого конца 19 века. После присоединения к России Ширванского, Карабахского, Нахичеванского и Эриванского ханств по условиям Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) мирных договоров большинство закавказских мусульман-шиитов стали российскими подданными. К 1880-м годам завершилось вхождение в состав России обширного Центрально-азиатского региона, в ходе которого российские власти также широко практиковали привлечение к сотрудничеству мусульманских духовных лиц. Таким образом, к концу 19 века процесс формирования русского мусульманства как общности, обладающей в составе российской цивилизации определенным единством и особой идентичностью, уже приобрел отчетливые очертания.

Формирование русского мусульманства далеко не всегда протекало гладко. Оно испытывало на себе негативное воздействие множества факторов как внутрироссийского, так и внешнего характера. Среди них следует, прежде всего, выделить продолжавшуюся в течение всего 19 века эмиграцию значительных групп российских мусульман в Османскую империю и другие страны мусульманского Востока. Наиболее значительным было переселение северокавказских горцев по завершении Кавказской войны, в ходе которого родные места покинуло свыше 700 тыс. человек.

Эмиграционный процесс в той или иной мере затронул практически все мусульманские народы Российской империи. Он был связан с усилением этнонационализма нерусских народов при развитии капиталистических отношений и с неоднозначным характером «пробуждения

Азии» на рубеже 19-20 веков. Неслучайно в среде татарских эмигрантов в Турции возникла идеология пантюркизма, активно взятая на вооружение антироссийскими силами в ходе подготовки к Первой мировой войне.

Этим во многом объясняется рост недоверия российских властей к возрастанию социальной и культурной активности мусульман в начале 20 века, а также к их участию в общероссийской политической жизни. Наглядное тому подтверждение — работа созданного в 1910 году премьер-министром П. Столыпиным «Особого совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае и о преобразовании Оренбургского магометанского Духовного собрания».

Тем не менее, многочисленные трудности и противоречия не смогли помешать тому, что к началу 20 века значительная часть представителей мусульманских этнорелигиозных сообществ институировалась в качестве русского мусульманства, став неотъемлемой составной частью российского евразийского суперэтноса. Несмотря на все исторические катаклизмы, этот суперэтнос получил новое развитие в двадцатом столетии, сделавшись этнополитической основой воссозданной в форме СССР евразийской Российской империи. Основное его ядро, включающее мусульманские общности, сохранилось в пределах Российской Федерации и после дезинтеграции евразийского пространства в связи с распадом СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А. О грядущей России. М., 1993.
2. Гаспринский Исмаил-Бей. Россия и Восток. Казань, 1993.
3. Худяков М.Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.
4. Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани ХУ111 — начала ХХ веков. М.: Стройиздат, 1989.
5. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описание, статистика. М.: Академкнига, 2001.